

сказка

Служила Катешка у одного купца, который чистой водой торговал. Всю ить воду в городе загадили, на питьё взять неоткуда: пойдёшь, скажем, с ведёрком на колодец, а тамотко ребятишки в него дохлых мышей да арбузные корки набросали — вот и напейся поди.

Выковали тому купцу кузнецы напарьё здоровушшее, нанял он семь ражих мужиков водяную сважину в земли сверлить. Шестеро напарьё крутят, по три лба на ручку, а сёмый отвесом прямо-правильность хода проверяит. Сверлили-сверлили сыру землю, пока вода скусная оттеда с глубины не попёрла. Тут купец скважину частоколом обнёс и контору во-

Олег СКОБЕЛЕВ

г. Петрозаводск

дохлёбную обок поставил. Набрал себе штату из красных деушек да чистых старушек — деушки воду меряют да деньгу с клиентов берут; старушки чай пьют да прибыль-убытки подсчитывают.

А Катешка середь тых деушек конторских самая приветная разлапушка была. Девка она была грамотная, смиренная, свою позицию блюла: если кто, неладный, за бочок — она ему в зубы локоток.

И такое дело: приезжат раз за водой себе к чаепитию заводчик богатой. Нацедили ему лагунок двухведёрный воды, Катешка денежки от него принимает, сама спрашивает: «Хватит ли вашей милости чаю попить, а то ещё бы водицы взяли?»

А заводчик подозрительной такой, один на капитале сидит, родню отпихиваит, дак боится кругом отравления какого. «А ну, — grit, — сома-ка, деушка, глони водицы с лагунка сперьва, а то мало ли што вы мне тут накачали. Шут вас разберёт. Монета звонкая плочена, а каков чаёк выдет — неизвестно». Катешка ему: «Да что вы, ваше степенство, у нас наилучшего скусу источник!» Однако пришло-

ся так сделать, вынудил старичок беспокойнай. Налила с лагунка ковшик, испила, крякнула да обратно ему в горлышко остатки сплеснула — вода, вишь, куплена, за кажну каплю уплочено.

Уехал заводчик добрым путём, сели там семейством за стол, чаю с торгольской водицы напились с кренделямы, и так вот им вдруг по мужской части сделалось: влюбилися сам заводчик, да сын его, да внук в Катешку — хоть плачь. Сели на крылечке, повыли с сугубой любовной тоски и припустились на санях обратно в водяную контору Катешку обхаживать, пряникамы одаривать.

Прикатали в контору, значит, столик раздвинули, пряникамы-конфектамы устелили, слад-

кой водочки посере́дке поставили, Катешку ись за плеча усадили, смотрют на неё масляными глазами, слёзки любовные кулаками утирают. Чисто камедь. Ну што с има делать? Катешка в сладкую водочку губы помочила, пряником заедает, а заводчик ей и говорит: «Иди, брат, девка Катешка, замуж за меня! Я со старухой своей разведуся, всё равно уж три дня спина к спине спим!» А сынок евонный: «Нет, девка, за меня иди!» А внучок мокроусый: «Нет, дяденьки, за меня она пойдёт!» Так у Катешки пряник из роту под столик и выпрыгнул. «Счас, — говорит, — дяденьки-заводчики, вытти мни, девушки, надо, отапорюсь пойду. Обождите».

Выбежала в сенцы, за голову схватила, что с има, вадкима такима, делать, не знает, мало не плачет. А в сенцах при окошечке конторская кошка сидела, Маринка. Известно дело — где припас, там и мыши, аккуратно надо место содержать, коли люди туды ходют. Вот кошка Маринка по мышеловной части у них и служила. Тут она Катешке и говорит человечесим голосом: «Што ты, Катешенька, плачешь, по избы скачешь? Я хоть по-людски не баю, да все слова знаю». Так и так, обсказала ей Катешка про старого заводчика, про сынка да внука и как она сома в изумлении находится от такого ихнего поветрия.

Говорит ей кошка Маринка: «Это не горюшко! Нацеди ты им ичко лагунок двухведёрный, за тройную цену, штоб знали, гладкобрюхии, как любов в копеечку влетаит, да дай-кося мни с него таперича испить. А остатки снова обратно в горлышко им сплесни». Так Катешка и сделала, как кошка ей велела. Крикнула конторских деушек да старушек, тыи быстренько вси пряники-конфекты как есть приели, хвантики от шоколаду обмунили; а сома заводчику опять лагунок за тройную цену нацедила, кошке Маринке в сенцы ковшик вынесла. Тая швыркнула водицы язычком три раза, хвостиком усы вытерла и уселаси штанцы к выходу языком чистить. А Катешка остатки с ковшика в лагунок сплеснула, всех троих заводчиков за уши взяла, в обе щцоки расцеловала да до дому коленкой выпроводила. Поехали оны, улюблённыя, с песнями, едут с поворотамы, хотя дорожка прямая.

Прибыли в своё поместье, с любовной тоски снова чаю пить уселися. Внук на гитаре тренькает умильно, сынок баритном поёт, отец басом порявкивает. Испили по три чашки — чуют, любов к Катешке внутрях остыла, прошла совсим, а заместо неё к кошке Маринке привязанность сугубая вдруг обнаружилась. Сели на крыльчке, повыли с тоски и обратно в водохлёбную контору покатили. Такая у их жисть беспокойная.

Приехавши до конторы, схватили кошку Маринку в охапку, расцеловали её со всех концов и на радостях домой быстрее воротились. А она, кошка Маринка, вскорости у заводчика под диваном троех котят принесла, окотиласи, значит. Сбежалися тут к дивану сам хозяин, да сын, да внук, котят делят — кому какой достанется — одному бусого хочется, другому рыжего, третьему лоскутного. Всим по милому котейки и досталоси. Зажили припеваючи, мурлыкаючи да играючи.

А кошка Маринка дитёв к месту пристроила и обратно на работу конторску вернуласи — как без места, без дела-то прожить. А вскорости и Катешка мила дружка нашла да замуж пошла, к женскому счастью определиласи. А кошка Маринка к им жить пошла. Тут и сказке конец.

Волк да Заяц

сказка

Сидел как-то раз Волк опосля удачливой охоты на горушке, своим ободом любовалсе. Брюхо к земли тянет, настроениё доброё, хошь — иди жарки по лужайкам нюхай да с бабочкам приплясывай! Вот, значит, глядит на лесной жисть, думает сам про себе: «В той вон пади кобаны ходют завсегда, корешки на прокорм себи роют; и опасная животино, а всё ж бывает — поросёнка-другого у их перехватить летышком. Хорошо!

Вот в том перелеске на сизой чернице рябчики пасутсе, пересвистываютсе; хошь и ефемерная птушечка-рябушка, а иной раз оченно приятно рябцом перекусить. Жуй ёго с пирьями да хвостовые пёрушки поплёвавый — хорошо!

А вот в этом ельнички-рамени цто мышамы-то ходов понаделано! Как есь робкой твари заповедник. Тож завлекательно мыша выслушивать да лапами давить — много их по норкам водитсе, дело лёккоё, больши для весилля. Хорошо!

А тута ...»

Да и мысля у Волка перерваласе: глядь — по закусьям Заиц прошмыгнул, прям пулею, токо подхвостьё белоё мелькнуло. И нету. Чьто за притча! Стал Волк пристально наблюдать — косье, извесно дело, кругами по лесу бегают. Малоё время погода — шасть! — опять тот жи Заиц низом проскочил. Антирасно Волку стало, аж лапы зачесалисе: никто за им, бедовым, не гонитсе, а он, косой дух, прям из шкуры вылетает от беговой удали. В цём тут дело?

Сошёл Волк со своего холмика, стал на зайцев путик, подстерёг, когда Косой промеж двух берёз пролетать будит, да и выстал нежданно из травы. Заиц ёму — бум! — с налёту головой в бок, токо Волчьё брюхо всколыбалосе да пузырёк отрыжный из пасьти вылетел. Пал Заиц назад, лапки задрал и глазки закатил — лежит ни жив ни покойник.

А Волк от сытоссти доброй, ёму смешно:

— Уй, — грит, — Заиц, не могу! Цё, брат Косой, ты по закусьям даром носиссе, белу свету свои штанцы невыходны показывайшь? Не стану я теби ись, не боись, рассказывай!

Видит Заиц, цто Волк им не как хыщник за-

куской антирисуетсе, а как лесной досужий обыватель неизьясным явлениём.

— Ой, — грит, — Волк! Мочушки моей нету так дальши жить — от сибя, брат, бегу! От сибя! Сам, брат, посуды: детство-робяцество моё тижолоё было — папка-мамка миня ни любили — папку вобче в глаза не видывал, мамка, когды мни месяц от роду был, снова хвостом вертеть давай да новыма зайчатами обзаводитсе. И дальши ни лутьши: оженилсе я на молодом возрасти, сдуру, брат, шкуркою гладкою прельстилсе. Зайчиха ото мни гуляит, а я — от ей, дети-зайчата у всех у нас родютсе, у Зайчихи — дома, у миня — на стороны. Родителёв дети ни уважают — да и в кого им быть! Совету-благословеньица ни спрашивают, а всё валерьянку по лугам копают да по пням ночамы барабанят. А нониче в лужу посмотрелсе — усики мои посидели, ухи вси в прожилках стали — ой-ё-ёй! Жисть-то, брат, прошла! Бросилсе я в ворота да побёг от себи куды глаза мои глядят! Не могу больши себе, таковского — бесталаннаго, бессмысленнаго, на дух переносить!

А у Волка от жалости да от Зайцевых излиний брюхо сбурындадо, снова ёму ись захотелосе.

— Эх, брат Заиц, — грит, — всё одно теби пропадать! Давай я теби, непотребнаго да греховоднаго, за то и зым, брат, не побрезгаю!

И зыл ёго.

□

Олег Александрович СКОБЕЛЕВ

родился в 1965 году в г. Кизел Пермской области.

Окончил Ленинградскую лесотехническую академию им. Кирова,

работал инженером-лесостроителем в Иркутске,

рабочим и плотником-реставратором

в музее-заповеднике «Кижы», «вольным» плотником и столяром.

С 2001 года — инженер и старший научный сотрудник отдела

истории и этнографии в музее-заповеднике «Кижы».

В журнале «Север» публикуется впервые.

